

Стихотворения
о войне

ЗИНКА

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы. —
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

8

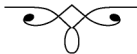
Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

* * *

Да, многое в сердцах у нас умрет,
Но многое останется нетленным:
Я не забуду сорок пятый год —
Голодный, радостный, послевоенный.

В тот год, от всей души удивлены
Тому, что уцелели почему-то,
Мы возвращались к жизни от войны,
Благословляя каждую минуту.

Как дорог был нам каждый трудный день,
Как «на гражданке» все нам было мило!
Пусть жили мы в плену очередей,
Пусть замерзали в комнатах чернила.

И нынче, если давит плечи быт,
Я и на быт взираю, как на чудо:
Год сорок пятый мной не позабыт,
Я возвращенья к жизни не забуду!

* * *

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти! Мы были другими —
Военной голодной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.

Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазые, тощие, мы хорошели
И верили: это на целую жизнь.

Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
И можно ли ставить любимым в вину,
Что нравятся девочки им длинноногие,
Которые только рождались в войну?

И правда, как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблучков,
И даже сожженные краскою космы,
Когда их хозяйкам семнадцать годков.

А годы, как листья осенние, кружатся.
И кажется часто, ровесницы, мне —
В борьбе за любовь пригодится нам мужество
Не меньше, чем на войне...

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!
И лицо — родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головою,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней —
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.

И запахнет фронтом — снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Только мы — однополчане павших,
Их, безмолвных, воскресить вольны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, —
Песней возвратишься ты с войны!

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем — так учили нас.
Одним движеньем — только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! — Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

* * *

Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.

Я — связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я — связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит».

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

* * *

Я родом не из детства — из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.

Я родом не из детства — из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.

Я родом не из детства — из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя — шершавые ладони.

Я родом не из детства — из войны.
Прости меня — в том нет моей вины...

* * *

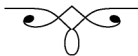
Я курила недолго, давно — на войне.
(Мал кусочек той жизни, но дорог!)
До сих пор почему-то вдруг слышится мне:
«Друг, оставь «шестьдесят» или «сорок»!»

И нельзя отказаться — даешь докурить.
Улыбаясь, болтаешь с бойцами.
И какая-то новая крепкая нить
Возникла тогда меж сердцами.

А за тем, кто дымит, уже жадно следят,
Не сумеет и он отказаться,
Если кто-нибудь скажет:
«Будь другом, солдат!» —
И оставит не «сорок», так «двадцать».

Было что-то берущее за душу в том,
Как делились махрой на привале.
Так делились потом и последним бинтом,
За товарища жизнь отдавали...

И в житейских боях я смогла устоять,
Хоть бывало и больно, и тяжело,
Потому что со мною делились опять,
Как на фронте, последней затяжкой.

* * *

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

* * *

Убивали молодость мою
Из винтовки снайперской,
В бою,
При бомбежке
И при артобстреле..
Возвратилась с фронта я домой
Раненой, но сильной и прямой —
Пусть душа
Едва держалась в теле.

И опять летели пули вслед:
Страшен был
Послевоенных лет —
Мне передохнуть
Хотя бы малость!..
Не убили
Молодость мою,
Удержалась где-то на краю,
Снова не согнулась,
Не сломалась.

А потом —
Беды безмерной гнет:
Смерть твоя...
А смерть любого гнет.
Только я себя не потеряла.
Сердце не состарилось
Ничуть,
Так же сильно
Ударяет в грудь,
Ну, а душу я
В тиски зажала.

И теперь веду
Последний бой
С годами,
С обидами,
С судьбой —
Не желаю
Ничему сдаваться!
Почему?
Наверно, потому,
Что и ныне
Сердцу моему
Восемнадцать,
Только восемнадцать!

* * *

На улице Десантников живу,
Иду по Партизанской за кизилом.
Пустые гильзы нахожу во рву —
Во рву, что рядом с братскою могилой.

В глухом урочище туман, как дым,
В оврагах расплзается упрямо.
Землянок полустертые следы,
Окопов чуть намеченные шрамы.

В костре сырые ветки ворошу,
Сушу насквозь промоченные кеды,
А на закате в городок спешу —
На площадь Мира улицей Победы.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Пролетели дни, как полустанки,
Где он, черный сорок первый год?
Кони, атакующие танки,
Над Москвой горящий небосвод?

А снега белы, как маскхалаты,
А снега багровы, как бинты.
Падают безвестные солдаты
Возле безымянной высоты.

Вот уже и не дымится рана,
Исчезает облачко у рта...
Только, может быть, не безымянна
Крошечная эта высота? —

Не она ль Бессмертием зовется?..
Новые настали времена,
Глубоки забвения колодцы,
Но не забывается война.

Вот у Белорусского вокзала
Эшелон из Прошлого застыл.
Голову склонили генералы
Перед Неизвестным и Простым
Рядовым солдатом,
Что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты.
Вот Он, не вернувшийся из боя,
Вышедший на линию огня
Для того, чтоб заслонить собою
Родину, столицу и меня.

Кто он? Из Сибири, из Рязани?
Был убит в семнадцать, в сорок лет?..
И седая женщина глазами
Провожает траурный лафет.

«Мальчик мой!» — сухие губы шепчут,
Замирают тысячи сердец,
Молодые вздрагивают плечи:
«Может, это вправду мой отец?»

Никуда от Прошлого не деться,
Вновь Война стучится в души к нам.
Обжигает, обжигает сердце
Благодарность с болью пополам.

Голову склонили генералы,
Каждый посуровел и затих...
Неизвестный воин, не мечтал он
Никогда о почестях таких —
Неизвестный парень,
Что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты...

* * *

Мир до невозможности запутан.
И когда дела мои плохи,
В самые тяжелые минуты
Я пишу веселые стихи.

Ты прочтешь и скажешь:
— Очень мило,
Жизнеутверждающе притом. —
И не будешь знать, как больно было
Улыбаться обожженным ртом.

* * *

И откуда
Вдруг берутся силы
В час, когда
В душе черным-черно?..
Если б я
Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.
Помнишь?
Заградительные рвы,
Словно обнажившиеся нервы,
Зазмеились около Москвы.
Похоронки,
Раны,
Пепелища...

Память,
Душу мне
Войной не рви,
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.
Лишь любовь
Давала людям силы
Посреди ревающего огня.
Если б я
Не верила в Россию,
То она
Не верила б в меня.

* * *

За утратою — утрата,
Гаснут сверстники мои.
Бьет по нашему квадрату,
Хоть давно прошли бои.

Что же делать? —
Вжавшись в землю,
Тело брэнное беречь?
Нет, такого не приемлю,
Не об этом вовсе речь.

Кто осилил сорок первый,
Будет драться до конца.
Ах обугленные нервы,
Обожженные сердца!..

ДВА ВЕЧЕРА

Мы стояли у Москвы-реки,
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел —
Так порою на чужих глядят.
Посмотрел и улыбнулся мне:
— Ну, какой же из тебя солдат?
Как была ты, право, на войне?
Неужель спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах?
Понимаешь, просто не могу
Я тебя представить в сапогах!..

Я же вечер вспомнила другой:
Минометы били, падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:

— Вот, лежим и мерзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках!..

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы — девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

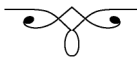

* * *

Из окружения, в пургу,
Мы шли по Беларуси.
Сухарь в растопленном снегу,
Конечно, очень вкусен.
Но если только сухари
Дают пять дней подряд,
То это, что ни говори...
— Эй, шире шаг, солдат! —
Какой январь!
Как ветер лих!
Как мал сухарь,
Что на двоих!
Семнадцать суток шли мы так,
И не отстала ни на шаг
Я от ребят.
А если падала без сил,
Ты поднимал и говорил:

— Эх ты, солдат!
Какой январь!
Как ветер лих!
Как мал сухарь,
Что на двоих!
Мне очень трудно быть одной.
Над умной книгою порой
Я в мир, зовущийся войной,
Ныряю с головой —
И снова «ледяной поход»,
И снова окруженный взвод
Бредет вперед.
Я вижу очерк волевой
Тех губ, что повторяли: «Твой»
Мне в счастье и в беде.
Притихший лес в тылу врага
И обожженные снега...
А за окном — московский день,
Обычный день...

* * *

«В шинельке, перешитой по фигуре,
Она прошла сквозь фронтовые бури...» —
Читаю и становится смешно:
В те дни фигурками блистали лишь в кино,
Да в повестях, простите, тыловых,
Да кое-где в штабах прифронтовых.
Но по-другому было на войне —
Не в третьем эшелоне, а в огне.

...С рассветом танки отбивать опять,
Ну, а пока дана команда спать.
Сырой окоп — солдатская постель,
А одеяло — волглая шинель.
Укрылся, как положено, солдат:
Пола шинели — под, пола шинели — над.
Куда уж тут ее перешивать!

С рассветом танки ринутся опять,
А после (если не сыра земля!) —
Санрота, медсанбат, госпиталя...

Едва наркоза отойдет туман,
Приходят мысли побольнее ран:
«Лежишь, а там тяжелые бои,
Там падают товарищи твои...»
И вот опять бредешь ты с вещмешком,
Брезентовым стянувшись ремешком.
Шинель до пят, обрита голова —
До красоты ли тут, до щегольства?
Опять окоп — солдатская постель,
А одеяло — волглая шинель.
Куда ее перешивать? Смешно!
Передний край, простите, не кино...

* * *

Мне еще в начале жизни повезло,
На свою не обижаюсь я звезду.
В сорок первом меня бросило в седло,
В сорок первом, на семнадцатом году.
Жизнь солдата, ты — отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

Как мне в юности когда-то повезло,
Так и в зрелости по-прежнему везет —
Наше чертово святое ремесло
Распускать поводья снова не дает.
Жизнь поэта, ты — отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

И, ей-богу, просто некогда стареть,
Хоть мелькают полустанками года...
Допускаю, что меня догонит смерть,
Ну, а старость не догонит никогда!
Не под силу ей отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

ГЕОЛОГИНЯ

Ветер рвет светло-русую прядку,
Гимнастерка от пыли бела.
Никогда не была ты солдаткой,
Потому что солдатом была.

Не ждала, чтоб тебя защитили,
А хотела сама защищать.
Не желала и слышать о тыле —
Пусть царапнула пуля опять.

...Побелела от времени прядка,
И штормовка от пыли бела.
Снова тяжесть сапог, и палатка,
И ночевка вдали от села.

Снова с первым лучом подниматься,
От усталости падать не раз,
Не жалела себя ты в семнадцать,
Не жалеешь себя и сейчас.

Не сочувствуйте — будет обидой,
Зазвенит в ломком голосе лед,
Скажет: «Лучше ты мне позавидуй!» —
И упругой походкой уйдет.

И от робости странной немея
(Хоть суров и бесстрастен на вид),
Не за юной красоткой — за нею
Бородатый геолог следит...

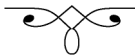

ТЫ ДОЛЖНА

Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна
Ты должна оторваться
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
Ты должна.
Хоть вернешься едва ли,
Хоть «Не смей!»
Повторяет комбат.
Даже танки
(Они же из стали!)
В трех шагах от окопа
Горят.
Ты должна.

Ведь нельзя притворяться
Перед собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно
«Сестрица!»
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...

СОЛДАТСКИЕ БУДНИ

Только что пришла с передовой
Мокрая, замерзшая и злая,
А в землянке нету никого,
И, конечно, печка затухает.

Так устала — руки не поднять,
Не до дров, — согреюсь под шинелью.
Прилегла, но слышу, что опять
По окопам нашим бьют шрапнелью.

Из землянки выбегаю в ночь,
А навстречу мне рванулось пламя.
Мне навстречу — те, кому помочь
Я должна спокойными руками.

И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом,
Мимоходом: «Молодец, сестра!» —
Крикнут мне товарищи в награду.

Да еще сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
— Старшина, родная! Как я рад,
Что опять осталась ты живою!

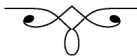

* * *

Приходит мокрая заря
В клубящемся дыму.
Крадется медленный снаряд
К окопу моему.

Смотрю в усталое лицо.
Опять — железный вой.
Ты заслонил мои глаза
Обветренной рукой.

И даже в криках и в дыму,
Под ливнем и огнем
В окопе тесно одному,
Но хорошо вдвоем.

* * *

И горе красит нас порою
(Сложны законы красоты).
В простом лице оно откроет
Вдруг утонченные черты.

Скорбь всепрощающего взгляда,
Улыбки грустной доброта —
Лик возвращенного из ада
Иль чудом снятого с креста.

Но горе быть должно великим
И с горем спаяно страны.
...Великомучеников лики
Глядят в глаза мне со стены.

Из отдаленных мест вернули
Домой товарищей моих,
Но годы горя, словно пули,
Догнали и убили их.

Скорбь всепрощающего взгляда,
Сильны, измучены, чисты...
Порою так взглядеться надо
В их утонченные черты!

* * *

Когда стояла у подножья
Горы, что называют «Жизнь»,
Не очень верилось, что можно
К ее вершине вознестись.
Но пройдено уже две трети,
И если доберусь туда,
Где путникам усталым светит
В лицо вечерняя звезда,
То с этой высоты спокойно
И грустно оглянусь назад:
— Ну, вот и кончились все войны,
Готовься к отдыху, солдат!..

* * *

Не знаю, где я нежности училась, —
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет!

Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страдаю.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась, —
Быть может, на дороге фронтовой...

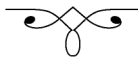
* * *

Пожилых не помню на войне,
Я уже не говорю про старых.
Правда, вспоминаю, как во сне,
О сорокалетних санитарях.
Мне они, в мои семнадцать лет,
Виделись замшелыми дедками.
«Им, конечно, воевать не след, —
В блиндаже шушукались с годками. —
Побинтуй, поползай под огнем,
Да еще в таких преклонных летах!»

Что ж, годки, давайте помянем
Наших «дедов», пулями отпетых.
И в крутые, злые наши дни
Поглядим на тех, кому семнадцать.
Братцы, понимают ли они,
Как теперь нам тяжело сражаться? —

Побинтуй, поползай под огнем,
Да еще в таких преклонных летах!..
Мой передний край —
Всю жизнь на нем
Быть тому, кто числится в поэтах.
Вечно будет жизнь давать под дых,
Вечно будем вспыхивать, как порох.

Нынче щеголяют в «молодых»
Те, кому уже давно за сорок.

ЕЛКА

На втором Белорусском еще продолжалось
затишье,
Шел к закату короткий последний
декабрьский день.
Сухарями в землянке хрустели голодные
мыши,
Прибежавшие к нам из сожженных дотла
деревень.
Новогоднюю ночь третий раз я на фронте
встречала.
Показалось — конца не предвидится этой
войне.
Захотелось домой, поняла, что смертельно
устала.
(Виновато затишье — совсем не до грусти
в огне!)

Показалась могилой землянка в четыре наката.
Умирала печурка. Под ватник забрался мороз...
Тут влетели со смехом из ротной разведки
ребята:
— Почему ты одна? И чего ты повесила нос?
Вышла с ними на волю, на злой ветерок
из землянки.
Посмотрела на небо — ракета ль сторела,
звезда?
Прогревая моторы, ревели немецкие танки,
Иногда минометы палили незнамо куда.
А когда с полутьмой я освоилась мало-помалу,
То застыла не веря: пожарами освещена
Горделиво и скромно красавица елка стояла!
И откуда взялась среди чистого поля она?
Не игрушки на ней, а натертые гильзы
блестели,
Между банок с тушенкой трофейный висел
шоколад...
Рукавицею трогая лапы замерзшие ели,
Я сквозь слезы смотрела на сразу притихших
ребят.

Дорогие мои д'артаньяны из ротной разведки!
Я люблю вас! И буду любить вас до смерти,
всю жизнь!
Я зарылась лицом в эти детством пропахшие
ветки...
Вдруг обвал артналета и чья-то команда:
«Ложись!»
Контратака! Пробил санитарную сумку
осколок,
Я бинтую ребят на взбесившемся черном
снегу...
Сколько было потом новогодних сверкающих
елок!
Их забыла, а эту забыть не могу...

